

СООТНОШЕНИЕ ПАРЛАМЕНТАРИЗМА С ПРИНЦИПОМ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ: ВОПРОСЫ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ ТЕОРИИ

Коновалова Людмила Геннадьевна

Кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и международного права
Алтайского государственного университета (Барнаул), e-mail: vaskova82@yandex.ru

Предмет статьи составили нормативные правовые акты, регламентирующие статус парламентов в различных странах, практика их реализации, а в большей степени – научные представления об институтах демократии и парламентаризма. Для написания работы использовались формально-юридический метод, метод сравнительного правоведения, герменевтики, синергетики, анализа, синтеза и метод диалектики. Цель исследования состоит в соотношении юридической конструкции парламентаризма с принципом демократической государственности через призму конституционно-правовой доктрины.

Характеризуются основные подходы к определению демократии и парламентаризма, рассмотрены отдельные дискуссионные вопросы соотношения названных категорий. Автор исходит из того, что парламентаризм близок понятию демократической государственности и имеет с ней схожие черты. Это связано с тем, что реально работающий парламент выступает ареной для дискуссий, поиска компромисса и выражения воли народа по отдельным вопросам государственного строительства. Рассматриваются проблемы определения воли народа, соотношения представительной и непосредственной демократии, понимания представительной демократии, оптимальности числа палат парламента и вида избирательной системы, подлежащей использованию. Делается вывод о том, что парламентаризм предполагает сочетание форм представительной и непосредственной демократии для того, чтобы представительное учреждение не утратило связь с населением и функционировало в рамках «открытой» политической системы. Утверждается, что двухпалатность или однопалатность парламента, равно как и используемая избирательная система, не являются ключевыми факторами демократизма государства или условиями парламентаризма.

Ключевые слова: парламентаризм, демократия, парламента, депутат, избирательная система

THE RELATION OF PARLIAMENTARISM WITH THE PRINCIPLE OF DEMOCRATIC STATEHOOD: QUESTIONS OF THE CONSTITUTIONAL-LEGAL THEORY

Kononova Lyudmila

Altai State University (Barnaul), e-mail: vaskova82@yandex.ru

Subject of article is normative legal acts, regulating the status of parliaments in various countries, the practice of their implementation, and to a greater extent – the scientific understanding of the institutions of democracy and parliamentarism. For writing the work used legalistic method, comparative law method, hermeneutics, synergy, analysis, synthesis and dialectic method. The purpose of the study is correlation of legal construction of parliamentarism with the principle of a democratic statehood in the light of the constitutional and legal doctrine.

The article characterizes the main approaches to the definition of democracy and parliamentarism and considered some debatable issues of the relations mentioned categories. The author proceeds from the fact that the parliamentarism is similar to concept of democratic statehood and have adjacent

to her features. This is due to the fact that really working parliament in favor arena for discussions, to find a compromise and expression of the will of the people on certain issues of state-building. The article deals with the problem of determining the will of the people, the ratio of representative and direct democracy, understanding of representative democracy, the optimality of the houses of parliament and the type of electoral system to be used. It is concluded that the parliamentarism involves a combination of forms of representative and direct democracy to representative institution has not lost its connection with the people and functioned in the «open» political system. It is argued that a bicameral or unicameral parliament, as well as the electoral system used, are not the key factors of democracy or the state parliamentary terms.

Key words: parliamentarism, democracy, parliament, deputy, electoral system

Поиск идеальных форм устройства государства осуществлялся с глубокой древности. К настоящему времени практически общепринято признание ценности идей демократической государственности и парламентаризма. Эти концепции активно поддерживаются международным сообществом и являются основой конституционализма во многих странах. При этом «демократизм» и «парламентаризм» – сложные юридические категории, которые рассматриваются в контексте научных теорий, ценностных ориентиров, политико-правовых институтов, мировоззренческих установок, управленческих процессов и принципов устройства государства.

Демократия в переводе с древнегреческого («demos» и «kratos») буквально означает власть народа¹. В юриспруденции же это понятие связывается с неким устройством государства, обеспечивающим каким-либо образом народовластие. А. В. Петришин пишет, что демократию в рамках конституционно-правовой науки чаще всего рассматривают как определенную форму государства, обусловленную признанием народного суверенитета и действительностью осуществления народовластия².

По мнению Г. Н. Андреевой, «демократическое государство – это государство, в котором воплощены принципы демократии, поддерживается демократический политический режим, различные слои населения (а не небольшая часть политической элиты) имеют реальную возможность участвовать в выработке политических решений на всех уровнях. Это предполагает наличие систематических и честных выборов, референдумов в условиях реального политического и идеологического плюрализма, разделения властей и гарантированности политических прав и свобод»³. Аналогично, но тезисно обозначил специфичность рассматриваемого понятия Б. А. Страшун: «Демократичность государства выражается в том, что сама его организация открывает гражданам и их объединениям возможности оказывать влияние на содержание управленческих публично-властных решений, добиваться реализации в этих решениях закономерных социальных интересов»⁴.

Очень точно и емко, на наш взгляд, определил демократию В. В. Невинский. Он подразумевает под демократией «такой способ организации государственной власти, который, исключая произвол и насилие, основывается на самоопределении народа по волеизъявлению большинства, на свободе и равноправии»⁵. К ряду основных

¹ Венгеров А. Б. Теория государства и права: учеб. для юрид. вузов. М., 1998. С. 160.

² Петришин А. В. Народовластие как фундамент демократического, правового, социального государства // Правоведение. 2010. № 3. С. 9.

³ Андреева Г. Н. Конституционное право зарубежных стран: учеб. М., 2009. С. 277.

⁴ Конституционное (государственное) право зарубежных стран: учеб. / отв. ред. Б. А. Страшун: в 4 т. Т. 1–2: Часть общая. М., 2000. С. 244.

⁵ Невинский В. В. К понятию демократии в современном буржуазном и советском государствоведении // Проблемы правоведения в современный период / под ред. В. Ф. Воловича. Томск, 1990. С. 45.

признаков демократии автор справедливо причисляет уважение к конституционным правам человека, прежде всего к праву на жизнь и свободное развитие, народный суверенитет, разделение властных полномочий, ответственность правительства, основанную на законе деятельность независимых судей, принцип многопартийности и равенство возможностей для всех политических партий с правом на формирование оппозиции¹.

Термин «парламентаризм» встречается и в трудах дореволюционных авторов, и в работах советских ученых, и в современной юриспруденции, и в зарубежной литературе. Однако какого-либо универсального определения этого понятия до сих пор не выработано. Достаточно часто парламентаризм трактуется как особая система организации государственной власти, структурно и функционально основанная на принципах разделения властей, верховенства закона при ведущей роли парламента в целях утверждения и развития отношений социальной справедливости и правопорядка². Уязвимым местом в подобных определениях является указание на «ведущую» роль парламента, что может вызывать ассоциацию или с парламентарной формой правления, или с неким доминированием парламента над иными ветвями власти. С учетом имеющихся в юридической литературе воззрений представляется логичным обозначать следующие квалифицирующие признаки парламентаризма с позиций отграничения его от элементов формы государства и недопустимости буквального понимания «верховенства парламента»: 1) верховенство закона; 2) разделение властей с четко обозначенными и реальными полномочиями парламента; 3) участие парламента в формировании органов исполнительной, судебной и иных ветвей власти; 4) подотчетность исполнительной власти парламенту; 5) особый статус депутата со свободным мандатом и ответственностью перед законом; 6) многопартийность, право на политическую оппозицию и обеспечение связи населения с механизмом государства; 7) независимость судебной власти и ее взаимодействие с законодательной и исполнительной властью для обеспечения баланса государственно-правового устройства.

Очевидно, что парламентаризм в рассматриваемом нами значении близок понятию демократической государственности и имеет с ней схожие черты. Это связано с тем, что реально работающий парламент выступает ареной для дискуссий, поиска компромисса и выражения воли народа по отдельным вопросам государственного строительства. Можно сказать, что парламентаризм – необходимое условие демократизации государства. При этом парламентаризм неразрывно связывается с одной из форм демократии – с представительной демократией. По меткому выражению А. Д. Керимова, «парламентаризм есть принимаемая властью и обществом система взаимодействия определенным образом сформированного, структурированного и реально работающего парламента с другими государственными органами, обеспечивающая его адекватное положение в государственном механизме и выступающая в качестве основного способа организации и функционирования представительной демократии»³.

¹ Невинский В. В. К понятию демократии в современном буржуазном и советском государствоведении. С. 45.

² Большой юридический словарь / под ред. А. Я. Сухарева, В. Е. Крутских. М., 2004. С. 416; Современный словарь иностранных слов. М., 1999. С. 445; Парламентское право России: учеб. пособие / под ред. И. М. Степанова, Т. Я. Хабриевой. М., 1999. С. 5; Современный парламент: теория, мировой опыт, российская практика / под общ. ред. О. Н. Булакова. М., 2005. С. 45.

³ Керимов А. Д. Современное государство: вопросы теории. М., 2008. С. 79.

Однако при всей схожести общих ориентиров в определении демократии при ответе на более конкретные вопросы о способах демократизации государственных институтов, а также о роли парламента в этой демократизации возникает огромное число дискуссионных вопросов.

Первый вопрос касается определения воли народа. Остается неясным, кого же понимать под «народом», чью власть необходимо обеспечить в процессе государственного управления и как, собственно, определить его волю.

«Народ» может восприниматься как синоним «нации» либо, наоборот, противопоставляться ей и подразумевать совокупность наций, проживающих на территории одного государства. Народ может трактоваться как «общество» либо «население» страны или только как исторически сложившаяся общность людей, может связываться лишь с ныне живущим поколением людей или с коллективным историческим опытом множества поколений. В конституционном праве чаще всего народ воспринимается как граждане государства или сводится исключительно к избирателям¹. Это связано с тем, что в основной массе форм непосредственного волеизъявления народа могут участвовать не все граждане, а только соответствующие определенным критериям возраста, дееспособности и т. п. (т. е. избиратели), что, однако, не должно подразумевать игнорирование интересов граждан, не признаваемых избирателями.

При любом понимании народа очевидно, что он состоит из совокупности людей, имеющих различные мнения и интересы, поэтому юриспруденция пытается предложить какие-либо теории, объясняющие методику выявления «общей воли народа» или «суверенитета народа». В классическом варианте теория неотчуждаемого и неделимого народного суверенитета разработана Ж.-Ж. Руссо, который различал волю всех и общую волю. Общая воля – это и есть народный суверенитет, который обеспечивает общие интересы. Воля всех удовлетворяет «интересы частные и представляет собою лишь сумму изъятий воли частных лиц. Но отбросьте из этих изъятий воли взаимно уничтожающиеся крайности, в результате сложения оставшихся расхождений получится общая воля»². Сегодня популярна концепция «всеобщего блага», предполагающая «гармоничное сочетание общественных и личных интересов»³, а также теория «государства всеобщего благоденствия (государства благосостояния)», основанная на разумном соединении публичных и частных интересов в экономике⁴.

Значит, при определении воли народа однозначно приходится расставлять приоритеты между различными мнениями по поводу решения тех или иных государственно-правовых вопросов. Поэтому теория демократии предполагает универсальное правило «учета мнения большинства при уважении позиции меньшинства». Конституционное право широко использует это правило при регламентации многих институтов непосредственной и представительной демократии, оно определяет итоги выборов, референдумов, отзыва, голосования по законопроекту или кандидатуре должностного лица в парламенте и т. д. Однако формально-юридические установле-

¹ Нудненко Л. А. Теория демократии. М., 2001. С. 18–20; Козлова Е. И., Кутафин О. Е. Конституционное право РФ. М., 1995. С. 84; Прело М. Конституционное право Франции. М., 1957. С. 375; Эбзеев Б. С. Конституция, власть и свобода в России: Опыт синтетического исследования. М., 2014. С. 176–179; Авдеев Д. А. Форма правления в России (краткий конституционный очерк). Тюмень, 2015. С. 186–189; Эсмен А. Общее основание конституционного права / пер. с фр. Н. О. Бер. СПб., 1909. С. 18.

² Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре. М., 1998. С. 219.

³ Эбзеев Б. С. Указ. соч. С. 169.

⁴ Андреева Г. Н. Указ. соч. С. 277; Левин И. Д. Современная буржуазная наука государственного права: критика основных направлений. М., 1960. С. 203, 209.

ния не в полной мере согласуются с буквальным восприятием указанного правила. Например, если в математическом плане анализировать выборы или референдум, то с учетом избирательных цензов, низких порогов явки, абсентеизма избирателей, вариативности голосов можно прийти к заключению о принятии решений меньшинством граждан. Если же учесть реальное экономическое расслоение общества, сложность решаемых государством вопросов, трудности значительного числа граждан в определении даже своей позиции по государственно-правовым вопросам, использование политических технологий, особенности национального правосознания и другие факторы, то зачастую становится очевидным факт принятия решений в пользу меньшинства населения. Некоторые иностранные авторы даже выводят в связи с этим «закон малого числа», предполагающий управление в любой демократии небольшим кругом руководящих деятелей¹.

Такое явное несоответствие нормативно установленных признаков демократии социально-экономическим реалиям той или иной страны вызвало возникновение в отечественной и зарубежной науке различных теорий демократии, исключающих ее излишнюю идеализацию. Так, концепции «элитарной демократии», «управляемой демократии», «демократии партий» подчеркивают значение демократических институтов как инструмента для манипулирования общественным мнением со стороны правящих элит, теория «плебисцитарной демократии» раскрывает механизмы управления массовым государством, «плюралистическая демократия» акцентирует внимание на значении «групп давления», концепция «либеральной демократии» оправдывает невмешательство государства в экономическую сферу, популярным является узкий подход к демократии как к процедуре принятия управленческих решений². Демократия критикуется за то, что не гарантирует принятия справедливых решений; за создание у широких слоев населения иллюзии участия в управлении; за произвольность трактовки воли большинства; за мифичность конструкции правления большинства³. Вместе с тем глубокие исследования рассматриваемого явления, как правило, заканчиваются фразами, созвучными известному изречению У. Черчилля, о том, что лучшей формы управления государством пока не придумали.

Попытки советской доктрины предложить альтернативу буржуазной теории демократии, воспринимаемой как «миф», не увенчались успехом. К. Маркс сводил буржуазную демократию к праву народа раз в несколько лет решать, кто из представителей правящих классов должен представлять и подавлять народ в парламенте⁴. Соответственно «классическая демократия» рассматривалась как форма государства, в которой и посредством которой эксплуататорское меньшинство угнетает эксплуатируемое большинство. А построение «полной демократии» связывалось с необходимостью устранения засилия капитала⁵. Социалистическая демократия должна была предполагать «подлинную свободу личности», партийное руководство, демократический централизм всевластия советов и социалистическую законность, основанную

¹ Левин И. Д. Указ. соч. С. 207.

² Мишин А. А. Конституционное (государственное) право зарубежных стран: учеб. для вузов. М., 2008. С. 36–369; Глушаренко С. Б., Золин В. А. Глобализация: новые теории демократии, федерализма и парламентаризма // История государства и права. 2007. № 15. С. 12; Худненко Л. А. Теория демократии. С. 52–67; Шмиттер Ф., Карл Т. Что такое демократия... и чем она не является // Диалог. 1993. № 2. С. 45; Левин И. Д. Указ. соч. С. 215–219; Dye T., Zeigler H. The Irony of Democracy. Belmont, 1972. P. 14.

³ Керимов А. Д. Указ. соч. С. 7; Левин И. Д. Указ. соч. С. 215–219.

⁴ Маркс К. Избранные произведения. Т. 2. М., 1962. С. 369–373.

⁵ Левин И. Д. Указ. соч. С. 203, 243.

на ленинских нормах государственной и партийной жизни¹. Однако практика показала нереалистичность подобных конструкций.

Второй значимый вопрос в понимании демократии касается того, каково должно быть соотношение представительной и непосредственной демократии.

На заре конституционализма приоритет отдавался исключительно прямому народовластию. Так, Ж.-Ж. Руссо отвергал возможность использования институтов представительной демократии. Поскольку народный суверенитет неделим и неотчуждаем, а «закон – это провозглашение общей воли, то ясно, что в том, что относится до власти законодательной, народ не может быть представляем»². Германский демократ Риттингаузен также полагал, что законы должны приниматься непосредственно гражданами на народных собраниях³. Эти взгляды противоречили потребностям практики. В противовес им в трудах Ш. Л. Монтескье была обоснована концепция представительной демократии⁴. Систему доводов последователей Ш. Л. Монтескье в защиту представительной демократии можно свести к следующим аргументам: 1) исключительно прямое народовластие невозможно в государствах с большой территорией и численностью населения; 2) народные массы зачастую некомпетентны в процедуре принятия законов и их содержании; 3) при представительном правлении выше персональная ответственность отдельных личностей за принимаемые решения; 4) формы прямой демократии по сравнению с представительной отличаются большей сложностью и затратностью процедур реализации, могут привести к поляризации населения⁵.

Поэтому к настоящему времени ценность представительной демократии, выражающейся в институтах парламентаризма, общепризнана. Зачастую даже наблюдается принижение форм непосредственной демократии по сравнению с представительной демократией. Особенно ярко это проявляется в правовой доктрине Германии. Например, немецкий юрист О. Кельрейтер безапелляционно заявляет, что в современных государствах с огромным населением «непосредственная демократия неприемлема, так как она представляет собой нежизнеспособную политическую форму»⁶. Другие немецкие авторы также полагают, что «реальная демократия не может существовать непосредственно, а должна носить представительный характер»⁷. Да и для всех современных государств среди основных стратегий демократического развития прямое народное правление не занимает доминирующего положения⁸. Бытует мнение, что «подлинная демократия – не та, где все занимаются политикой, считая ее своим де-

¹ Теоретические основы советской конституции. М., 1981. С. 54–57.

² Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре: Трактаты / пер. с фр. А. Хаютина, В. Алексеева-Попова. М., 2000. С. 281.

³ Каутский К. Представительное правление. СПб., 1905. С. 40.

⁴ Монтескье Ш. Л. О духе законов. М., 1999. С. 141.

⁵ Рейснер М. А. Основные черты представительства // Конституционное государство: сб. ст. 2-е изд. СПб., 1905. С. 134; Нудненко Л. А. Теория демократии. С. 91; Милль Дж. Ст. Размышления о представительном правлении. СПб., Б. г. С. 48; Иванов Н. Свобода собраний и народное представительство. М., 1906. С. 4; Невинский В. В. Немецкие граждане в зеркале основополагающих принципов Конституции ФРГ. Барнаул, 1994. С. 109.

⁶ Цит. по: Ледях И. А. Центральные союзные органы Федеративной Республики Германии // Вопросы современного государственного права буржуазных стран. М., 1958. С. 215.

⁷ Государственное право Германии. М., 1994. Т. 1. С. 48.

⁸ Руденко В. Н. Прямая демократия: модели правления, конституционно-правовые институты. Екатеринбург, 2003. С. 78.

лом, а где люди, занимаясь своим прямым, непосредственным делом, делегируют возможность заниматься политикой своим свободно избранным представителям»¹.

Вместе с тем, на наш взгляд, нельзя недооценивать достоинства непосредственной демократии. Она обеспечивает легитимацию власти, развивает общественную активность населения, способствует самореализации личности, обеспечивает контроль за политическими институтами, предотвращает злоупотребления властью². Поэтому парламентаризм предполагает сочетание форм представительной и непосредственной демократии для того, чтобы представительное учреждение не утратило свою связь с населением и функционировало в рамках «открытой» политической системы. В связи с этим уместно процитировать И. М. Степанова: «Именно парламентаризм постепенно становится средоточием приоритетных ценностей представительной демократии, способом ее организации, инструментом функционирования – в сочетании с ценностями, формами и методами демократии непосредственной, прямой»³.

Третий вопрос применительно к сущности демократии связан с тем, как понимать представительную демократию и представительные отношения, возникающие между депутатами и избирателями.

Очевидно, что представительная демократия – это реализация власти народа через избранных им представителей, представительные органы⁴. Но вот нюансы народного представительства совершенно по-разному осмысливаются в юридической литературе.

Долгое время на парламентское представительство возлагались функции «зеркального» отражения интересов общества. Восприятие парламента как «зеркала нации» основывалось на максимально возможном отражении в представительном учреждении религиозного, полового, возрастного, профессионального и иного состава избирательного корпуса страны⁵. Поэтому теоретически предполагалось, что дискуссия, имеющая место в парламенте, представляет собой мини-вариант всенародного обсуждения. Однако практика работы практически всех парламентов мира показала призрачность подобных идей, поскольку состав депутатского корпуса существенно отличается от социального состава населения. Французские юристы в связи с этим пишут, что «представительный характер парламента сводится лишь к известному сходству между решениями парламента и взглядами, господствующими в обществе. Выборы являются лишь средством, единственно возможным, обеспечить это сходство»⁶.

Ввиду распространения всеобщего избирательного права современному депутатскому корпусу присуще усиление репрезентативной функции по сравнению с сословными и аристократическими представительными учреждениями. По меткому выражению Л. А. Кравченко, «современный парламент – это орган, претендующий на всеобщность»⁷.

¹ Сигалов К. Е. Связь среды права и формы государства // История государства и права. 2008. № 4. С. 12.

² Нудненко Л. А. Теория демократии. С. 74; Руденко В. Н. Указ. соч. С. 78–85.

³ Парламентское право России: учеб. пособие. С. 5.

⁴ Чиркин В. Е. Конституционное право зарубежных стран: учеб. М., 2001. С. 151.

⁵ Гессен В. М. Основы конституционного права. Пг., 1918 // Хрестоматия по конституционному праву: учеб. пособие. Т. 3 / сост. Н. А. Богданова, Д. Г. Шустров. СПб., 2014. С. 658; Бельсон Я. М. Современное буржуазное государство и народное представительство. М., 1960. С. 133; Андреева Г. Н. Указ. соч. С. 458.

⁶ Цит. по: Левин И. Д. Указ. соч. С. 279.

⁷ Кравченко Л. А. Парламент как институт представительной демократии // Конституционное и муниципальное право. 2002. № 2. С. 26.

Вместе с тем в юридической науке высказывается мнение о том, что с учетом существующих проблем избирательного права современный депутат является представителем не большинства, а, скорее, меньшинства населения. В качестве аргументов сторонники приведенной точки зрения ссылаются на неучастие определенной части избирателей в выборах (абсентеизм), несовершенство избирательных систем, допускающих большой процент потерянных голосов, умышленно искажающую волю избирателей нарезку избирательных округов («избирательную географию») и другие изъяны избирательного права, которые могут привести к избранию представителей (депутатов) меньшинством граждан. Например, П. А. Астафичев считает, что при условии альтернативности политических выборов часть электората высказывается за других кандидатов, не получивших депутатского места, и эта часть избирателей не имеет представительства в органах публичной власти¹.

Однако тайное голосование исключает объявление избирателей, голосовавших за кандидатов, которые не стали депутатами, либо не участвовавших в голосовании по тем или иным причинам. При этом такие граждане вполне могут предпринимать любые действия, которые вытекают из их статуса представляемых субъектов (обращаться с просьбами к депутатам, приходить к ним на прием, получать информацию об их деятельности)². Конституционный Суд РФ в связи с этим указывает, что «граждане, которые не голосовали вообще или голосовали, но не за тех кандидатов, которые стали депутатами, не могут рассматриваться как лишённые своего представительства в парламенте»³. Для формальной юриспруденции преимущественной является точка зрения, согласно которой депутат считается представителем большинства, так как в своей деятельности отражает интересы и тех граждан, которые не поддержали его кандидатуру на выборах.

Достижением современной демократической избирательной системы выступает то, что законодательство обеспечивает возможность каждому непосредственно выразить свою волю при избрании представителей. Проблема неполного представительства по причине абсентеизма может быть решена при признании презумпции, что содержанием воли гражданина, не пришедшего на избирательный участок, служит согласие с мнением большинства избирателей, которые осуществили свое право голоса.

Для характеристики представительной демократии нерешенным остается вопрос об объекте депутатского представительства. С XVII в. ученые спорят о том, что представляет депутатский корпус – волю или власть народа. Так, Ж.-Ж. Руссо считал, что суверенитет народа не может передаваться депутатам: «Суверен, который есть не что иное, как коллективное существо, может быть представляем только самим собою. Передаваться может власть, но никак не воля»⁴. В случае же передачи власти народ уничтожает и свой суверенитет⁵. Эту мысль развивал Л. А. Тихомиров: «Чужую волю нельзя представлять, потому что она даже неизвестна заранее»⁶. Итак, Ж.-Ж. Руссо

¹ Астафичев П. А. Социально-правовая природа народного представительства // Государство и право. 2001. № 11. С. 35.

² Масленникова С. В. Народное представительство и права граждан в РФ. М., 2001. С. 132.

³ Постановление Конституционного Суда РФ от 17 ноября 1998 г. № 26-П по делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона от 21 июня 1995 года «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» // СЗ РФ. 1998. № 48. Ст. 5969.

⁴ Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре: Трактаты. С. 216.

⁵ Там же. С. 217.

⁶ Тихомиров Л. А. Монархическая государственность. М., 1998. С. 65–66.

и Л. А. Тихомиров в качестве объекта депутатского представительства мыслили власть (отрицательно при этом относясь к самой необходимости представительного правления). Аббат Э. Ж. Сиейес полагал, что общество, не отказываясь полностью от своей воли, передает некоторую ее часть своим представителям для поддержания «доброго порядка» в государстве¹.

Немецкий государствовед Г. Еллинек вообще рассматривал народ и парламент как одно лицо, обладающее единой волей². Эти взгляды разделял и М. А. Рейснер. По его мысли, «народ и народное представительство есть одно и то же»³. В связи с этим К. Тахтарев критически замечал: «Только при существовании рабских, крепостнических отношений воля одного человека признается волею другого или других»⁴.

Современные ученые употребляют термины «власть» и «воля» как равнозначные. Кроме того, они предлагают рассматривать в качестве объектов депутатского представительства потребности, интересы социальной общности и общественное мнение, складывающееся по тому или иному вопросу политической жизни⁵. С одной стороны, можно согласиться с тем, что парламент должен принимать решения, исходя из общественных интересов и общественного мнения. С другой стороны, нужно признать, что общественные потребности и общественное мнение трудно выявить. Общественное мнение изменчиво и может не совпадать с объективными потребностями общества. Последние же невозможно определить ввиду сложной структурированности общества.

Сохранение в юридической терминологии понятия воли и власти народа применительно к объекту депутатского представительства обусловлено тем, что современная доктрина конституционного права включает в понятие народного суверенитета не только общую волю, как это делал Ж.-Ж. Руссо, но и власть народа. В конституциях многих государств провозглашение народного суверенитета осуществляется через признание верховной власти народа и закрепление за ним права осуществлять эту власть непосредственно или через представителей. Это позволяет некоторым авторам сделать вывод о принадлежности парламентариям народного суверенитета⁶, что противоречит свойствам неделимости и неотчуждаемости суверенитета народа. С учетом того что на практике депутаты зачастую участвуют в принятии решений, которые не одобряются обществом, объектом депутатского представительства следовало бы признать власть народа⁷. Однако при таком подходе теряет смысл существование парламента как представительного органа, поскольку народ является источником власти всех государственных органов. Таким образом, до сих пор не найдено оптимального термина для обозначения объекта депутатского представительства.

Думается, что разночтение в терминологии носит объективный характер, поскольку отношениям народного представительства во многом присуща абстрактность. Истинность суждений о них зависит от избранной исследователем методологии. Реали-

¹ Рейснер М. А. Указ. соч. С. 135.

² Еллинек Г. Право современного государства. Т. 1: Общее учение о государстве. СПб., 1908. С. 417.

³ Рейснер М. А. Указ. соч. С. 136.

⁴ Тахтарев К. От представительства к народовластию. СПб., 1907. С. 26.

⁵ Астафичев П. А. Социально-правовая природа народного представительства. С. 31; Колюшин Е. И. Местные органы народного представительства европейских социалистических стран (основные государственно-правовые проблемы): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1985. С. 13.

⁶ Астафичев П. А. Народный суверенитет: понятие, содержание, конституционные формы выражения // Конституционное и муниципальное право. 2004. № 4. С. 9.

⁷ Худненко Л. А. Непосредственная демократия в системе местного самоуправления России: теоретические основы. М., 2004. С. 111–112.

стичным в связи с этим является взгляд Н. И. Лазаревского на смысл представительства: «Действительное значение народного представительства основано не на том, что оно точно изображает общественное мнение, а на том, что так или иначе отражает на себе интересы иных кругов населения, чем бюрократия»¹. Удачной является и фраза американского автора Л. Фридмэна: «Законодательный процесс не столь уж восприимчив к мнению каждого, как думают некоторые, но и не столь уж элитарен и антидемократичен, как думают другие»².

Действительно, при «стройности» и логичности юридических обоснований выражения воли народа через парламент, на практике он все же не всегда показывает себя как эффективно работающий и легитимный орган. У многих граждан, даже у юристов, зачастую имеются сомнения в соответствии воли парламента народным интересам и чаяниям. Любопытную характеристику представительному правлению в связи с этим дал известный русский писатель Л. Н. Толстой: «Цель представительного правления не в том, чтобы была осуществлена большая справедливость, а в том, чтобы люди, подчиняясь дурному управлению, не имели права жаловаться на него»³. Интересно, что подобного мнения придерживаются и некоторые современные конституционалисты. Например, С. Д. Князев и К. В. Арановский исходят из того, что выборы и народное представительство – это всего лишь один из способов легитимации государственной власти, существующий наряду с сословным, мифическим, теологическим, насильственным объяснением господства одних людей над другими. При этом выборы и народное представительство не гарантируют правление «лучших» и принятие оптимальных государственно-правовых решений, но приоритетны по отношению к другим способам легитимации в связи с некоторой «современностью» теории представительства и созданием чувства ответственности у избираемых и избирающих⁴. Вспоминаются «крылатые» фразы политологов, удобные для правящих элит: «Если вы не занимаетесь политикой – она занимается вами», «народ заслуживает то правительство, которое у него есть», «политика – грязное дело» и т. п.

Безусловно, приведенные позиции отражают действительность и в политологическом плане во многом справедливы. Но полностью обесценивать значение представительного правления нельзя. Все же представительная демократия при всех своих изъянах предлагает населению определенные гарантии от произвола, задает атмосферу терпимости и поиска компромисса в обществе, обеспечивает в известных пределах свободу личности. Недаром даже советские юристы, рассматривавшие парламент исключительно как способ классового господства, были вынуждены признать в буржуазной системе представительства элемент зависимости от общественного мнения⁵. В этом плане представляются опасными призывы отдельных правоведов к некой аристократичности власти, царизму, соборности и церковности и т. п., которые открыто ставят в зависимость от мнения ограниченной группы людей судьбу всего государства. Поэтому представительная демократия, на наш взгляд, являет собой все же значимое достижение юриспруденции. А теория парламентаризма способна указать конкретные направления совершенствования представительных учреждений в отдельных странах.

¹ Лазаревский Н. И. Русское государственное право. Т. 1: Конституционное право. СПб., 1913. С. 153.

² Фридмэн Л. Введение в американское право. М., 1993. С. 91.

³ Толстой Л. Н. Круг чтения. СПб., 1908. С. 312.

⁴ Князев С. Д., Арановский К. В. Политическое представительство и выборы: публично-правовая природа и соотношение // Конституционное и муниципальное право. 2007. № 16. С. 21–34.

⁵ Бельсон Я. М. Указ. соч. С. 146.

Четвертый вопрос о существовании демократии, заслуживающий отдельного внимания, – это вопрос о том, имеет ли какое-либо отношение к демократичности число палат парламента и влияет ли избирательная система на демократизм государства.

Эти вопросы зачастую являются предметом для политического манипулирования. В частности, что касается палат парламента, то можно встретить мнение о том, что однопалатные парламента всегда ведут к тирании или что только избираемые палаты парламента соответствуют демократичному государству. Однако представляется, что подобные утверждения не согласуются с государственно-правовой реальностью.

Несмотря на то что в истории государственного строительства имели место трех- и шестипалатные парламента, в современных странах действуют одна или две палаты парламента. Приоритетность избрания для конкретного государства той или иной модели по-разному обосновывается в юридической литературе. Но бикамерализм (двухпалатность), как правило, объясняется следующим: 1) федеративная природа государственности, 2) большая территория страны, 3) историко-экономические причины. При этом названные аргументы соизмеряются определенным образом с практикой, но не объясняют все случаи использования бикамерализма. Так, действительно, во всех 24 федеративных государствах сегодня действуют двухпалатные парламента, однако указанную модель избрали для себя и около 40 унитарных государств¹. Бикамерализм на самом деле используют в основном крупные по численности населения и по размеру территории государства (Россия, Германия, США, Франция), однако он может применяться и в микространствах (Тобаго, Ямайка), в то время как однопалатность встречается и в крупных странах (Китай, Турция, Индонезия, Греция, Португалия). По модели двухпалатности построены законодательные органы государств-лидеров мировой экономики, но однопалатность также может присутствовать в странах с развитой экономикой (Швеция, Дания, Китай). Поэтому можно согласиться с мыслью о том, что вопрос о числе палат парламента решается из различных соображений, имеющих политическое значение в момент соответствующей конституционной реформы².

При этом примечательна диаметрально противоположность трактовки однопалатных доводов. Например, американская доктрина при переходе от конституционных актов 1776–1777 гг. к Конституции 1787 г. исходила из того, что двухпалатность более демократична, так как правительству легче добиться контроля над большинством одной палаты, а простота однопалатной легислатуры порождает деспотическое правление³. Демократизация же государственного управления при реформе 1953 г. в Дании и 1969 г. в Швеции, напротив, сопровождалась ликвидацией двухпалатной системы. По мнению скандинавских конституционалистов, это было связано с тем, что бикамерализм препятствует демократическим преобразованиям, позволяя правительству умерить наступательный дух нижней палаты с помощью более консервативной верхней палаты⁴.

Преимущества двухпалатности видятся различным исследователям во взаимном сдерживании палатами друг друга, в умеренном консерватизме второй палаты, в большей продуманности законопроектов, в отражении интересов отдельных терри-

¹ Парламентское право России: учеб. М., 2006. С. 88.

² Амеллер М. Парламенты. М., 1967. С. 39; Конституционное (государственное) право зарубежных стран: учеб.: в 4 т. Т. 1–2: Часть общая. С. 484.

³ История буржуазного конституционализма XVII–XVIII вв. / отв. ред. В. С. Нерсесянц, М., 1983. С. 132–133.

⁴ Могунова М. А. Скандинавский парламентаризм. Теория и практика. М., 2001. С. 200.

торий, в предотвращении господства политических партий в нижних палатах. Недостатки связываются с затягиванием законотворческого процесса, конфликтностью между палатами, информационной недостаточностью о деятельности друг друга в палатах парламента, возможностью злоупотребления реакционностью второй палаты¹. Однако эти характеристики бикамерализма весьма утрированы и могут иметь различное значение в разных государствах с учетом политической расстановки сил.

В целом можно утверждать, что двухпалатность или однопалатность парламента не являются ключевыми факторами демократизма государства или условиями парламентаризма. На практике мы видим как двухпалатные (США, ФРГ, Франция), так и однопалатные (Швеция, Дания, Норвегия, Исландия) парламента в государствах с признанным институтом парламентаризма. Также считаем неверным утверждение о том, что демократичным является лишь прямое избрание членов верхних палат. Конституционализм многих демократических стран демонстрирует примеры использования различных способов формирования верхних палат или их сочетание: избрание, квотирование, кооптация, назначение, вхождение в состав палаты по должности и даже определенный компонент наследования или родственных связей². В то же время нельзя не отметить тенденцию последних лет, направленную на увеличение случаев прямого избрания членов верхних палат и расширение использования бикамерализма (за последнюю треть XX в. количество вторых палат в общенациональных законодательных собраниях возросло с 45 до 67 и около 10 государств переходят к двухпалатности³).

Любопытна некоторая условность самого традиционного термина «палата парламента». Например, в Норвегии парламента (стортинг) делится на две части: верхнюю (лагтинг) и нижнюю (одельстинг), не признаваемые палатами парламента⁴. В некоторых странах Африки и Океании наряду с одной или двумя палатами парламента существуют особые палаты вождей, обладающие исключительно совещательными функциями по отдельным вопросам⁵. В американской литературе лоббистов часто называют «третьей палатой конгресса»⁶, что, безусловно, неправильно в формально-юридическом смысле, но отражает реальную обстановку в стране. Сохраняет актуальность дискуссия о том, можно ли признать палату парламента, имеющую конституционно закрепленные собственные полномочия, органом власти, государственным органом или же этот статус имеет парламента в целом⁷. Палаты принято отличать от других органов, образованных при парламенте (счетные палаты, бюджетные управления, пажеские службы и т. д.) или существующих наряду с парламентом (Экономический и социальный совет во Франции, общественные палаты в России).

¹ Федосов П. А. Двухпалатные парламента: европейский и отечественный опыт // ПОЛИС. 2001. № 3. С. 168–180; Милль Дж. Ст. Указ. соч. С. 177; Шайо А. Самоограничение власти: Краткий курс конституционализма. М., 2001. С. 153–156; Филиппова Н. А. Представительство публичных интересов в федеративном государстве: особенности российской национальной модели. Екатеринбург, 2009. С. 231; Дюги Л. Конституционное право. Общая теория государства. М., 1908. С. 468; Монтескье Ш. Л. Избранные произведения. М., 1953. С. 298.

² Мишин А. А. Указ. соч. С. 456–458; Конституционное (государственное) право зарубежных стран: учеб.: в 4 т. Т. 1–2: Часть общая. С. 485–486.

³ Парламентское право России: учеб. С. 88.

⁴ Могунова М. А. Указ. соч. С. 200.

⁵ Чиркин В. Е. Указ. соч. С. 266.

⁶ Бельсон Я. М. Указ. соч. С. 180.

⁷ Болтенкова Л., Шевелев В. Палата парламента – орган государственной власти или часть его? // РФ сегодня. 2003. № 15. С. 44–45.

Также обращает на себя внимание отсутствие в современных парламентах сословных, профессиональных или расовых палат, что имело место в истории (испанские Генеральные кортесы в период сословно-представительной монархии, палаты «белых», «цветных» и индийцев в ЮАР 1984 г., шесть палат парламента Югославии 70-х гг.), за исключением незначительных элементов квотирования для некоторых социальных групп. Но в юридической литературе отмечается определенная актуальность классового деления и для современных обществ, а зачастую высказывается сетование на то, что в парламентах мало учителей, врачей, рабочих, юристов или представителей других профессий. Л. Дюги в начале XX в. предлагал всю верхнюю палату парламента формировать по профессиональному принципу¹. Почему же современная государственность не предпринимает попыток для формирования палат по профессиональному или классовому (имущественному) принципу в каком-либо обновленном варианте? Может быть, такие палаты примирили бы наконец интересы бедных и богатых, предпринимателей и наемных работников, чиновников и налогоплательщиков?

Интересна в этом плане позиция американских авторов Дж. Фильда и С. Госнелла, рассматривающих демократию как инструмент для смягчения групповых противоречий. Они утверждают, что если «люди будут рассматривать себя в первую очередь как банкиры, шахтеры, промышленники, рабочие сталелитейной промышленности, фермеры, а лишь во вторую очередь как граждане, то станет невозможным достижение компромисса между групповыми интересами демократическими средствами, и одна из групп станет силой навязывать другим свою волю»². Думается, что такая классовая завуалированность действительно выгодна современному государству. Поэтому у различных социальных групп в условиях демократии остаются более сложные рычаги воздействия на парламента, чем собственная палата: профсоюзы, выборы, публичные манифестации, участие в деятельности партий и т. п.

Вопрос о том, можно ли считать какую-либо избирательную систему более демократичной, также является спорным, что отражается на конституционно-правовой практике. Например, советские юристы с учетом значительного числа «потерянных» голосов при мажоритарной системе, однозначно отдавали приоритет пропорциональной избирательной системе. Под воздействием государствоведов, признающих направленность пропорциональной избирательной системы на поощрение многопартийности, многие скандинавские страны в 60-е, 70-е гг. перешли к формированию парламента по пропорциональной системе. Вместе с тем Великобритания, США, Франция оставляют в своих правовых системах появившуюся исторически первой мажоритарную избирательную систему, которая характеризуется как наиболее простая, способная учесть личностный потенциал избираемых граждан. Использовать преимущества двух основных избирательных систем и преодолеть их недостатки стремятся Германия, Греция, Италия, применяющие смешанную избирательную систему³. Однако думается, что говорить о демократичности или недемократичности избирательной системы не совсем корректно, поскольку на демократизм выборов влияет множество юридических нюансов: метод распределения мандатов, заградительный барьер, правила «нарезки» избирательных округов, открытость избирательного процесса для общественного контроля, избирательные цензы, отсутствие ис-

¹ Дюги Л. Указ. соч. С. 529–534.

² Цит. по: Левин И. Д. Указ. соч. С. 209.

³ Руденко В. Н. Указ. соч. С. 306; Могунова М. А. Указ. соч. С. 214–245.

пользования административного ресурса, правила передачи вакантного мандата следующему в списке кандидату, число голосов у избирателей, панаширование и т. п. Полагаем, что сама по себе разновидность используемой избирательной системы не предопределяет становление в том или ином государстве парламентаризма и не характеризует выборы как демократичные или недемократичные.

С учетом изложенных дискуссионных вопросов о понимании демократии представляются справедливыми слова Б. С. Эбзеева: «Сегодня, пожалуй, нет слова, которое бы столь часто присутствовало в политическом лексиконе и которое при этом было в понятийном отношении столь неопределенным, как демократия»¹.

Демократизм в настоящее время является значимой теоретической конструкцией и как принцип воспринят в конституциях многих государств. При этом признаки демократического государства пересекаются с особенностями парламентаризма. Это неизбежно, поскольку, по нашему глубокому убеждению, демократическое государство не может существовать без парламентаризма, равно как и парламентаризм без демократии. Однако термин «парламентаризм» призван характеризовать роль парламента в механизме государства. Он важен не столько для достаточно разработанной концепции демократии, сколько для характеристики парламента в рамках конституционного права. Поэтому нет смысла дополнять известные признаки демократии дополнительным качеством в виде парламентаризма, но при анализе правового положения парламента просто необходимо соотносить его с парламентаризмом. Указания на то, что в том или ином государстве имеется парламентаризм, достаточно для характеристики его в качестве демократического. В рамках конституционного права здесь важно не только то, что посредством употребления термина «парламентаризм» будет происходить «экономия» слов (за счет подразумевания демократии), но и то, что будут подробно исследоваться механизмы, через которые тому или иному государству удалось обеспечить реальную и эффективную роль парламента как уникального законодательного и представительного органа.

Библиография

- Dye T., Zeigler H. The Irony of Democracy. Belmont, 1972.*
Авдеев Д. А. Форма правления в России (краткий конституционный очерк). Тюмень, 2015.
Амеллер М. Парламенты. М., 1967.
Андреева Г. Н. Конституционное право зарубежных стран: учеб. М., 2009.
Астафичев П. А. Народный суверенитет: понятие, содержание, конституционные формы выражения // Конституционное и муниципальное право. 2004. № 4.
Астафичев П. А. Социально-правовая природа народного представительства // Государство и право. 2001. № 11.
Бельсон Я. М. Современное буржуазное государство и народное представительство. М., 1960.
Болтенкова Л., Шевелев В. Палата парламента – орган государственной власти или часть его? // РФ сегодня. 2003. № 15.
Большой юридический словарь / под ред. А. Я. Сухарева, В. Е. Крутских. М., 2004.
Венгеров А. Б. Теория государства и права: учеб. для юрид. вузов. М., 1998.
Гессен В. М. Основы конституционного права. Пг., 1918 // Хрестоматия по конституционному праву: учеб. пособие. Т. 3 / сост. Н. А. Богданова, Д. Г. Шустров. СПб., 2014.
Глушаренко С. Б., Золин В. А. Глобализация: новые теории демократии, федерализма и парламентаризма // История государства и права. 2007. № 15.
Государственное право Германии: в 2 т. М., 1994. Т. 1.
Дюги Л. Конституционное право. Общая теория государства. М., 1908.
Еллинек Г. Право современного государства. Т. 1: Общее учение о государстве. СПб., 1908.

¹ Эбзеев Б. С. Указ. соч. С. 3.

- Иванов Н. Свобода собраний и народное представительство. М., 1906.
- История буржуазного конституционализма XVII–XVIII вв. / отв. ред. В. С. Нерсисянц. М., 1983.
- Каутский К. Представительное правление. СПб., 1905.
- Керимов А. Д. Современное государство: вопросы теории. М., 2008.
- Князев С. Д., Арановский К. В. Политическое представительство и выборы: публично-правовая природа и соотношения // Конституционное и муниципальное право. 2007. № 16.
- Козлова Е. И., Кутафин О. Е. Конституционное право РФ. М., 1995.
- Колушин Е. И. Местные органы народного представительства европейских социалистических стран (основные государственно-правовые проблемы): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1985.
- Конституционное (государственное) право зарубежных стран: учеб. / отв. ред. Б. А. Страшун: в 4 т. Т. 1–2: Часть общая. М., 2000.
- Кравченко Л. А. Парламент как институт представительной демократии // Конституционное и муниципальное право. 2002. № 2.
- Лазаревский Н. И. Русское государственное право. Т. 1: Конституционное право. СПб., 1913.
- Левин И. Д. Современная буржуазная наука государственного права: критика основных направлений. М., 1960.
- Ледях И. А. Центральные союзные органы Федеративной Республики Германии // Вопросы современного государственного права буржуазных стран. М., 1958.
- Маркс К. Избранные произведения. Т. 2. М., 1962.
- Масленникова С. В. Народное представительство и права граждан в РФ. М., 2001.
- Милль Дж. Ст. Размышления о представительном правлении. СПб., Б. г.
- Мишин А. А. Конституционное (государственное) право зарубежных стран: учеб. для вузов. М., 2008.
- Могунова М. А. Скандинавский парламентаризм. Теория и практика. М., 2001.
- Монтескье Ш. Л. Избранные произведения. М., 1953.
- Монтескье Ш. Л. О духе законов. М., 1999.
- Невинский В. В. К понятию демократии в современном буржуазном и советском государствоведении // Проблемы правоведения в современный период / под ред. В. Ф. Воловича. Томск, 1990.
- Невинский В. В. Немецкие граждане в зеркале основополагающих принципов Конституции ФРГ. Барнаул, 1994.
- Нудненко Л. А. Непосредственная демократия в системе местного самоуправления России: теоретические основы. М., 2004.
- Нудненко Л. А. Теория демократии. М., 2001.
- Парламентское право России: учеб. М., 2006.
- Парламентское право России: учеб. пособие / под ред. И. М. Степанова, Т. Я. Хабриевой. М., 1999.
- Петришин А. В. Народовластие как фундамент демократического, правового, социального государства // Правоведение. 2010. № 3.
- Постановление Конституционного Суда РФ от 17 ноября 1998 г. № 26-П по делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона от 21 июня 1995 года «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» // СЗ РФ. 1998. № 48. Ст. 5969.
- Прело М. Конституционное право Франции. М., 1957.
- Рейснер М. А. Основные черты представительства // Конституционное государство: сб. ст. 2-е изд. СПб., 1905.
- Руденко В. Н. Прямая демократия: модели правления, конституционно-правовые институты. Екатеринбург, 2003.
- Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре. М., 1998.
- Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре: Трактаты / пер. с фр. А. Хаютина, В. Алексеева-Попова. М., 2000.
- Сигалов К. Е. Связь среды права и формы государства // История государства и права. 2008. № 4.
- Современный парламент: теория, мировой опыт, российская практика / под общ. ред. О. Н. Булакова. М., 2005.
- Современный словарь иностранных слов. М., 1999.
- Тахтарев К. От представительства к народовластию. СПб., 1907.
- Теоретические основы советской конституции. М., 1981.
- Тихомиров Л. А. Монархическая государственность. М., 1998.
- Толстой Л. Н. Круг чтения. СПб., 1908.
- Федосов П. А. Двухпалатные парламенты: европейский и отечественный опыт // ПОЛИС. 2001. № 3.

Филиппова Н. А. Представительство публичных интересов в федеративном государстве: особенности российской национальной модели. Екатеринбург, 2009.

Фридман Л. Введение в американское право. М., 1993.

Чиркин В. Е. Конституционное право зарубежных стран: учеб. М., 2001.

Шайо А. Самоограничение власти: Краткий курс конституционализма. М., 2001.

Шмиттер Ф., Карл Т. Что такое демократия... и чем она не является // Диалог. 1993. № 2.

Эбзеев Б. С. Конституция, власть и свобода в России: Опыт синтетического исследования. М., 2014.

Эсмен А. Общее основание конституционного права / пер. с фр. Н. О. Бер. СПб., 1909.

Bibliography

Ameller M. Parlamenti. М., 1967.

Andreeva G. N. Konstitucionnoe pravo zarubezhnykh stran: ucheb. М., 2009.

Astafichev P. A. Narodnyj suverenitet: ponyatie, sodержание, konstitucionnye formy vyrazheniya // Konstitucionnoe i municipal'noe pravo. 2004. № 4.

Astafichev P. A. Social'no-pravovaya priroda narodnogo predstavitel'stva // Gosudarstvo i pravo. 2001. № 11.

Avdeev D. A. Forma pravleniya v Rossii (kratkij konstitucionnyj ocherk). Tyumen', 2015.

Bel'son Ya. M. Sovremennoe burzhuaznoe gosudarstvo i narodnoe predstavitel'stvo. М., 1960.

Bol'shoj yuridicheskij slovar' / pod red. A. Ya. Suxareva, V. E. Krutskix. М., 2004.

Boltenkova L., Shevelev V. Palata parlamenta – organ gosudarstvennoj vlasti ili chast' ego? // RF segodnya. 2003. № 15.

Chirkin V. E. Konstitucionnoe pravo zarubezhnykh stran: ucheb. М., 2001.

Dye T., Zeigler H. The Irony of Democracy. Belmont, 1972.

Dyugi L. Konstitucionnoe pravo. Obshhaya teoriya gosudarstva. М., 1908.

Ehbzeev B. S. Konstituciya, vlast' i svoboda v Rossii: Opyt sinteticheskogo issledovaniya. М., 2014.

Ehsmen A. Obshhee osnovanie konstitucionnogo prava / per. s fr. N. O. Ber. SPb., 1909.

Ellinek G. Pravo sovremennogo gosudarstva. T. 1: Obshhee uchenie o gosudarstve. SPb., 1908.

Fedosov P. A. Dvuxpalatnye parlamenti: evropejskij i otechestvennyj opyt // POLIS. 2001. № 3.

Filippova N. A. Predstavitel'stvo publicnykh interesov v federativnom gosudarstve: osobennosti rossijskoj nacional'noj modeli. Ekaterinburg, 2009.

Fridmehn L. Vvedenie v amerikanskoe pravo. М., 1993.

Gessen V. M. Osnovy konstitucionnogo prava. Pg., 1918 // Xrestomatiya po konstitucionnomu pravu: ucheb. posobie. T. 3 / sost. N. A. Bogdanova, D. G. Shustrov. SPb., 2014.

Glusharenko S. B., Zolin V. A. Globalizaciya: novye teorii demokratii, federalizma i parlamentarizma // Istoriya gosudarstva i prava. 2007. № 15.

Gosudarstvennoe pravo Germanii: v 2 t. М., 1994. T. 1.

Istoriya burzhuaznogo konstitucionalizma XVII–XVIII vv. / otv. red. V. S. Nersesyanc. М., 1983.

Ivanov N. Svoboda sobranij i narodnoe predstavitel'stvo. М., 1906.

Kautskij K. Predstavitel'noe pravlenie. SPb., 1905.

Kerimov A. D. Sovremennoe gosudarstvo: voprosy teorii. М., 2008.

Knyazev S. D., Aranovskij K. V. Politicheskoe predstavitel'stvo i vybory: publichno-pravovaya priroda i sootnoshenie // Konstitucionnoe i municipal'noe pravo. 2007. № 16.

Kolyushin E. I. Mestnye organy narodnogo predstavitel'stva evropejskix socialisticheskix stran (osnovnye gosudarstvenno-pravovye problemy): avto-ref. dis. ... kand. jurid. nauk. М., 1985.

Konstitucionnoe (gosudarstvennoe) pravo zarubezhnykh stran: ucheb. / otv. red. B. A. Strashun: v 4 t. T. 1–2: Chast' obshhaya. М., 2000.

Kozlova E. I., Kutafin O. E. Konstitucionnoe pravo RF. М., 1995.

Kravchenko L. A. Parlament kak institut predstavitel'noj demokratii // Konstitucionnoe i municipal'noe pravo. 2002. № 2.

Lazarevskij N. I. Russkoe gosudarstvennoe pravo. T. 1: Konstitucionnoe pravo. SPb., 1913.

Ledyax I. A. Central'nye soyuznye organy Federativnoj Respubliki Germanii // Voprosy sovremennogo gosudarstvennogo prava burzhuaznykh stran. М., 1958.

Levin I. D. Sovremennaya burzhuaznaya nauka gosudarstvennogo prava: kritika osnovnykh napravlenij. М., 1960.

Marks K. Izbrannye proizvedeniya. T. 2. М., 1962.

Maslennikova S. V. Narodnoe predstavitel'stvo i prava grazhdan v RF. М., 2001.

- Mill' Dzh. St. Razmyshleniya o predstavitel'nom pravlenii. SPb., B. g.*
- Mishin A. A. Konstitucionnoe (gosudarstvennoe) pravo zarubezhnyx stran: ucheb. dlya vuzov. M., 2008.*
- Mogunova M. A. Skandinavskij parlamentarizm. Teoriya i praktika. M., 2001.*
- Montesk'e Sh. L. Izbrannye proizvedeniya. M., 1953.*
- Montesk'e Sh. L. O duxe zakonov. M., 1999.*
- Nevinskij V. V. K ponyatiyu demokratii v sovremennom burzhuaznom i sovetskom gosudarstvovedenii // Problemy pravovedeniya v sovremennyj period / pod red. V. F. Volovicha. Tomsk, 1990.*
- Nevinskij V. V. Nemeckie grazhdane v zerkale osnovopolagayushhix principov Konstitucii FRG. Barnaul, 1994.*
- Nudnenko L. A. Neposredstvennaya demokratiya v sisteme mestnogo samoupravleniya Rossii: teoreticheskie osnovy. M., 2004.*
- Nudnenko L. A. Teoriya demokratii. M., 2001.*
- Parlamentskoe pravo Rossii: ucheb. M., 2006.*
- Parlamentskoe pravo Rossii: ucheb. posobie / pod red. I. M. Stepanova, T. Ya. Xabrievoj. M., 1999.*
- Petrishin A. V. Narodovlastie kak fundament demokraticheskogo, pravovogo, social'nogo gosudarstva // Pravovedenie. 2010. № 3.*
- Postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF ot 17 noyabrya 1998 g. № 26-P po delu o provere konstitucionnosti otdel'nyx polozhenij Federal'nogo zakona ot 21 iyunya 1995 goda «O vyborax deputatov Gosudarstvennoj Dumy Federal'nogo Sobraniya Rossijskoj Federacii» // SZ RF. 1998. № 48. St. 5969.*
- Prelo M. Konstitucionnoe pravo Francii. M., 1957.*
- Rejsner M. A. Osnovnye cherty predstavitel'stva // Konstitucionnoe gosudarstvo: sb. st. 2-e izd. SPb., 1905.*
- Rudenko V. N. Pryamaya demokratiya: modeli pravleniya, konstitucionno-pravovye instituty. Ekaterinburg, 2003.*
- Russo Zh.-Zh. Ob obshhestvennom dogovore. M., 1998.*
- Russo Zh.-Zh. Ob obshhestvennom dogovore: Traktaty / per. s fr. A. Xayutina, V. Alekseeva-Popova. M., 2000.*
- Shajo A. Samoogranichenie vlasti: Kratkij kurs konstitucionalizma. M., 2001.*
- Shmitter F., Karl T. Chto takoe demokratiya... i chem ona ne yavlyaetsya // Dialog. 1993. № 2.*
- Sigalov K. E. Svyaz' sredy prava i formy gosudarstva // Istoriya gosudarstva i prava. 2008. № 4.*
- Sovremennyj parlament: teoriya, mirovoj opyt, rossijskaya praktika / pod obshh. red. O. N. Bulakova. M., 2005.*
- Sovremennyj slovar' inostrannyx slov. M., 1999.*
- Taxtarev K. Ot predstavitel'stva k narodovlastiyu. SPb., 1907.*
- Teoreticheskie osnovy sovetskoj konstitucii. M., 1981.*
- Tixomirov L. A. Monarxicheskaya gosudarstvennost'. M., 1998.*
- Tolstoj L. N. Krug chteniya. SPb., 1908.*
- Vengerov A. B. Teoriya gosudarstva i prava: ucheb. dlya yurid. vuzov. M., 1998.*